

На правах рукописи

Дубровская

Дубровская Наталья Викторовна

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ДЕРИВАЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(самодийские языки – селькупский)

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре Языков народов Сибири факультета иностранных языков Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ким Александра Аркадьевна

Научный консультант: доктор филологических наук
Норманская Юлия Викторовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кузнецова Ариадна Ивановна

кандидат филологических наук, доцент
Токмашев Денис Михайлович

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

Защита состоится « 17 » января 2012 г. в 12:30 на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 по защитам диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в учреждении Российской Академии Наук Институте языкознания РАН по адресу:

Москва 125009, Б. Кисловский пер., д. 1

Тел.: (495)690-35-85

E-mail: iling@iling-ran.ru

Факс: (495)690-05-28

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института языкознания РАН по адресу: г. Москва, 125009, Б. Кисловский пер., д. 1

Автореферат разослан «__» _____ 2011 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

П.П. Дамбуева

Предлагаемая диссертация посвящена описанию особого типа семантической деривации, промежуточного между моносемией и полисемией, выявленного в южных диалектах селькупского языка.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения феномена семантической деривации, общих закономерностей формирования семантической структуры и функционирования лексических единиц, построения типологии лексического значения с точки зрения реализации семантической деривации; а также выработки стратегии представления семантической информации в селькупском лексикографическом материале. Комплексное изучение специфики формирования семантической структуры и функционирования многозначных существительных селькупского языка имеет бесспорное значение для теории лексикографии, поскольку на этом материале удастся выявить ряд явлений, которые, насколько нам известно, не были описаны ранее исследователями семантики.

Целью диссертации является выявление и описание ранее неизученных особенностей структуры значения у слов с моносемией.

В соответствии с целью исследования в работе были выполнены **задачи**:

- 1) по словарям сделан выбор лексем, которые в южно- и северноселькупских диалектах описаны как полисематичные, проведен анализ контекстов их употребления и выявлены слова, в которых значение должно быть описано как моносемичное;
- 2) проведено анкетирование носителей говора обских чумьлькупов селькупского языка, а также анализ текстовых материалов из архива А.П. Дульзона с целью уточнения значения выбранных лексем, на основе анализа их употребления в текстах;
- 3) определены значения рассматриваемых лексем на основании современных критериев разграничения полисемии и моносемии.

Объектом исследования является семантическая деривация существительных в диалектах селькупского языка.

Источниками исследования послужили материалы, собранные во время научных экспедиций под руководством Лауреата Государственной премии, основателя Томской лингвистической школы профессора А.П. Дульзона, хранящиеся в архиве кафедры языков народов Сибири в Томском государственном педагогическом университете. Данные материалы составили базу изданного под редакцией профессора В.В. Быконя «Селькупско-русского диалектного словаря» (Томск, 2005) по васюганскому, кетскому, тымскому диалектам, елогуйскому, туруханскому и обским говорам селькупского языка. Материалом по тазовскому диалекту послужили труды представителей Московской лингвистической школы А.И. Кузнецовой, О.А. Казакевич, Е.А. Хелимского, Е.В. Грушкиной, Л.Ю. Иоффе «Очерки по селькупскому языку: тазовский диалект» (Москва, 1980; 1993).

Для объективного анализа семантической деривации существительных селькупского языка были использованы данные зарубежных исследователей: материалы М.А. Кастрена, И. Эрдейи, К. Доннера, У.Т. Сирелиуса. В работе использовались также обобщенные результаты исследования южных диалектов селькупского языка, представленные в монографии «Морфология селькупского языка. Южные диалекты» (Томск, 1995). Источником материала послужил ряд трудов Е.А. Хелимского по северным и южным диалектам, изданных при содействии зарубежных лингвистических школ и представляющих собой обработку данных первых словарей по селькупскому языку Н.П. Григоровского и Ф.Г. Мальцева, а также «Словарь маторского языка» («Die Matorische Sprache») (Szeged, 1997). В диссертационном исследовании был использован пятый выпуск гамбургского сборника «О материалах А.И. Кузьминой по селькупскому языку», выполненный в соавторстве с Н.А. Тучковой (Гамбург, 2010) и вышедший в память об ушедшем из жизни Е.А. Хелимском, а также «Североселькупский словарь» Е.А. Хелимского. К глубокому сожалению, автор не успел завершить и опубликовать его, но этот материал предоставлен в электронном виде на авторском сайте [http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary].

Для работы использовался также ряд трудов этимологической направленности: «Этимологический словарь уральских языков» К. Редее (Károly Rédei «Uralisches Etymologisches Wörterbuch. – Band I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht; монография Г. Дечи «Уральский праязык: Полная реконструкция» (G. Décsy «The Uralic Protolanguage: A Comprehensive Reconstruction»).

В диссертации сохранена фонетическая транскрипция источников. Материалы словаря Я. Алатало и архивные полевые записи кафедры языков народов Сибири им. А.П. Дульзона Томского государственного педагогического университета были переведены в транскрипцию в соответствии с международным фонетическим алфавитом [<http://ru.wikipedia.org/wiki/IPA>].

Кроме того, эмпирической базой исследования послужили 98 селькупских текстов по южным и северным диалектам, общий объем которых составляет более 29 тысяч лексических единиц. Для формирования базы текстов были использованы материалы как архива кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета, так и печатные материалы, содержащие тексты на селькупском языке. В корпус по северному диалектному ареалу вошли три текста, записанные Г.Н. Прокофьевым (об Иче, об Иомпе, «Шаманская песня»); двадцать восемь текстов (сказки северных селькупов), записанные представителями Московской лингвистической школы, изданные в 1993 году во второй части «Очерков по селькупскому языку»; один текст, записанный О.А. Казакевич – «Почему нельзя ночевать в лабазах (селькупская сказка)», а также сказка «Маркунча – Маркынча», представляющая собой самозапись носителя селькупского языка Н. Карсавина (по мате-

риалам А.И. Кузьминой). Базу текстов южного диалектного ареала составляют шестьдесят пять текстов. Шестьдесят четыре текста являются материалами архива кафедры языков народов Сибири. Они были записаны во время научных экспедиций как самим А.П. Дульзоном, так и его учениками и последователями: Э.Г. Беккер, Е.С. Кузнецовой, Н.М. Воеводиной, Н.П. Максимовой, А.А. Ким, И.А. Ильяшенко.

Основой для проведения сравнительного анализа с целью выявления особенностей семантической деривации существительных селькупского языка послужил ряд лексикографических работ по другим языкам, а именно: словари по ненецкому, энецкому, нганасанскому, маторскому, хантыйскому, мансийскому, мордовским (эрзянскому и мокшанскому), финскому, венгерскому, саамскому, удмуртскому, коми (-зырянскому и -пермяцкому), марийскому, кетскому, корякскому, нивхскому, алтайскому, эвенкийскому, эвенскому, негидальскому, ороческому, удэгейскому, чжурчжэньскому, ульчскому, орокскому, нанайскому, маньчжурскому языкам.

Материалом исследования послужили также полевые записи автора, сделанные в местах проживания коренного населения. Информантами по селькупскому языку были Коробейникова Ирина Анатольевна (д. Голещихино, Парабельский р-н, Томская обл.), Прокина Татьяна Федоровна (с. Парабель, Томская обл.), Луговская Алена Юрьевна (с. Нарым, Томская обл.), Шадрина Людмила Денисовна (с. Нарым, Томская обл.), Мартынов Яков Яковлевич (п. Шпалозавод, Томская обл.), Саиспаев Василий Александрович (с. Парабель, Томская обл.), Макшина Агния Александровна (п. Нельмач, Томская обл.), Мальков Николай Анатольевич (с. Толмачево, Томская обл.).

Теоретической и методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области семантических исследований: Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, А. Вежицкой, В.В. Виноградова, В.С. Виноградова, Б.Н. Головина, М. Джонсона, А.А. Зализняка, С.Д. Кацнельсона, И.М. Кобозевой, В.И. Кодухова, Е. Куриловича, Г.И. Кустовой, Дж. Лакоффа, Ю.И. Левина, И.А. Мельчука, Т.М. Николаевой, Е.В. Падучевой, Н.В. Перцова, Н.Н. Перцовой, М.М. Покровского, А.А. Поттебни, О.Л. Рублевой, Ю.С. Степанова, Л. Талми, О.Н. Трубачева, В. Туровского, Е.В. Урысон, Б.А. Успенского, А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелева, Р. Якобсона и других.

Научная новизна работы определяется тем, что она стала первым специальным самостоятельным исследованием, посвященным анализу особенностей семантической деривации существительных в диалектах селькупского языка. На основе анализа семантической деривации многозначных существительных был выявлен особый тип моносемии, который по критериям, разработанным Ю.Д. Апресяном и Е.В. Урысон, занимает промежуточное положение между полисемией и моносемией.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что основные положения работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях сферы семантической деривации селькупского и других самодийских, а также финно-угорских языков, найдут применение при разработке теоретических вопросов типологии лексического значения в целом. Новый фактический материал, впервые введенный в научный оборот, может войти составной частью в сопоставительно-типологические исследования языков народов Сибири.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что представленный в ней материал и конкретные выводы могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности аспирантов и студентов при подготовке лекционных и семинарских занятий по общему и сравнительному языкознанию, лексической семантике, лексикологии, теории перевода. Полученные результаты могут иметь прикладное значение в преподавании селькупского языка, при составлении словарей, создании пособий и справочников по селькупскому языку.

Апробация работы. Основные положения работы излагались на международных научных конференциях XXV-е, XXVI-е Дульзоновские чтения «Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур» (Томск, июнь 2008, 2011); на XI, XII, XIII Всероссийских конференциях студентов, аспирантов и молодых учёных «Наука и образование» (Томск, апрель, 2007, 2008, 2009); на XI Российской научно-практической конференции «Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей» (Томск, апрель 2011).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав, заключения, списка литературы, включающего 264 источника, списка сокращений, списка информантов и шести приложений, которые содержат рабочую схему диалектного членения селькупского языка; таблицы двух корпусов текстов по северным и южным диалектам; таблицы сплошной выборки существительных, представленных в лексикографических материалах как полисемантические; таблицы, отражающие подсчет употребления существительных в тех или иных значениях; данные психолингвистического эксперимента «Ответ-реакция на слово-стимул». Общий объем работы составляют 244 страницы машинописного текста, основной текст диссертации излагается на 155 страницах. По теме диссертации автором опубликовано пять статей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** сформулированы актуальность темы диссертационного исследования, цель и задачи, определен материал, явившийся источником для работы, указаны методы исследования, представлен обзор трудов, послуживших теоретической и методологической основой работы.

Глава I «Теоретические и методологические аспекты исследования семантической деривации» включает три раздела: «Лексическое значение и его компоненты применительно к системе селькупского языка», «Феномен семантической деривации и способы его описания», «Критерии разграничения лексической многозначности и полисемии».

В начале главы дан краткий обзор истории семасиологических аспектов исследования лексики в диалектах селькупского языка. Анализ предшествующих исследований показал, что в настоящее время отсутствуют работы по лексической семантике селькупского языка, в которых была бы описана семантическая деривация существительных.

Как показано в исследованиях по семасиологии, при изучении семантической деривации одной из основных задач является разграничение «полисемии» vs. «моносемии». Согласно исследованиям Ю.Д. Апресяна (см. «Избранные труды. Лексическая семантика». Москва, 1995), полисемия характеризуется объединением значений с помощью дизъюнкции ($A = 'B'$ или $'C'$), а моносемия – конъюнкции (то есть возможностью употребления обоих значений $'B'$ и $'C'$ в рамках одного некаламбурного контекста).

Для прояснения вопроса организации семантических компонентов того или иного типа значения в диссертационной работе приведено также исследование Е.В. Урысон ««Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы» (Москва, 1998), где произведена попытка выявления языковых факторов, наличие или отсутствие которых позволит установить удержание компонентов $'B'$ и $'C'$ в рамках одного значения, «утяжеленного» дизъюнкцией ($A = 'B'$ или $'C'$), или их распад на два отдельных значения $'B'$ и $'C'$. В цитируемой работе также дан анализ ранее разработанных критериев разграничения полисемии и моносемии.

Критерий разграничения моносемии типа $A = 'B'$ или $'C'$ и полисемии $A1 = 'B'$, $A2 = 'C'$, принадлежащий Ю.Д. Апресяну, по мнению Е.В. Урысон, является «функциональным, синтагматическим, обращенным к типам контекстов лексемы, к ее функционированию в высказывании» [Урысон 1998: 229]. Он выражается в нижеследующем:

«если $A = 'B'$ или $'C'$, то $A = 'либо B, либо C, либо B и C одновременно'$ . ... Именно употребления последнего типа поддерживают единство значений: если бы не было контекстов (некаламбурных, не связанных ни с какими стилистическими эффектами), в которых одновременно реализуются оба семантических компонента, не было бы оснований говорить, что эти компоненты сосуществуют в рамках одного значения. Таким образом, исключительная дизъюнкция – признак полисемии (либо C , либо B , но не C и B вместе); выпадение употреблений типа $'B$ и $'C'$ из числа употреблений значения $'B$ или $'C'$ является достаточным условием для его распада на два новых значения – $'B'$ и $'C'$ » [Апресян 1995: 186].

Принцип выделения значений, предложенный Е. Куриловичем (а затем уточненный У. Вейнрейхом), Е.В. Урысон определяет как «парадигматический критерий полисемии». Она уточняет его и формулируется следующим образом:

«если слово А допускает два разных употребления и при этом существует слово Х, парадигматически связанное с данным в одном его употреблении и не связанное с ним в другом употреблении, то в этих двух употреблениях реализуются разные значения слова А»¹ [Урысон 1998: 233].

Однако даже новая более полная формулировка критерия Е. Куриловича и У. Вейнрейха, предложенная Е.А. Урысон, при анализе семантики существительного русского языка *небо* приводит автора к «антиинтуитивным результатам», т.е. интуиция исследователя говорит ей о моносемии существительного, а в соответствии с вышеуказанным критерием *небо* является многозначной лексической единицей. В поиске объяснения данного парадокса автор приходит к выводу о недостаточности парадигматического критерия полисемии и должного обращения не к парадигматике слова (по крайней мере, не только к ней), а к его семантике, к организации его значения. Иными словами, главной задачей при исследовании семантики лексической единицы становится не учет всех парадигматических (внешних) связей слова, а стремление понять, как устроено значение слова «изнутри» [Урысон 1998: 233].

Таким образом, Е.В. Урысон сосредотачивает свое исследование на поиске новых критериев полисемии и предполагает существование внутренних, т.е. собственно семантических факторов, которые удерживают компоненты 'В' и 'С' в рамках одного значения или, наоборот, способствуют их распаду на отдельные. К таким факторам она относит сдвиг семантического акцента в значении лексемы. В качестве рабочего определения автором предлагается следующая дефиниция семантического акцента: «это метка, выделяющая в значении лексемы ту ее часть, которая находится в фокусе внимания говорящего» [Урысон 1998: 258]. С точки зрения тождества компонентов дизъюнкции критерий разграничения моносемии и полисемии заключается в нижеследующем:

«если в лексическом значении вида А = 'В или С' части 'В' и 'С' тождественны по своим семантическим компонентам и различаются лишь семантическими акцентами (и – как следствие – актантной структурой организующего предиката), то 'В' и 'С' не «расходятся» по разным лексемам, а сосуществуют в одном значении. При этом слово А в одном из своих употреблений может быть синонимично слову Х = 'В' (или Х = 'С'), и тогда нарушается приведенный выше принцип деления слова на значения Е. Куриловича и У. Вейнрейха» [Урысон 1998: 234-235].

---

¹ Ср. формулировку Е. Куриловича и У. Вейнрейха: «если слово А допускает два разных употребления и при этом существует слово Х, синонимичное ему в одном употреблении и несинонимичное ему в другом употреблении, то в этих двух употреблениях реализуются разные значения слова А» [цитата по Урысон 1989: 232].

Правила реализации компонентов лексем со значением вида $A = 'B \text{ или } C'$, где блоки 'В' и 'С' отличаются друг от друга семантическими акцентами, опираются во многих случаях на контекст, поскольку именно контексты многих видов четко детерминируют выбор одной из двух частей толкования. Однако в других контекстах такой детерминированности нет, т.е. в них реализуются обе части значения одновременно. Следовательно, вполне естественна такая интерпретация, когда «во главу угла» не ставится ни один из двух блоков значения, претендующих на главенство [Урысон 1998: 238].

Таким образом, специфика существительных, представляющих собой феномен «несостоявшейся полисемии» и состоит в «свободе реализации», предоставляемой им некоторыми контекстами. Е.В. Урысон говорит о том, что такие существительные «обладают не вполне детерминированным (или не вполне определенным) лексическим значением... Они удовлетворяют синтагматическому критерию моносемии Ю.Д. Апресяна. В данном случае этот критерий лучше удовлетворяет лингвистической интуиции, нежели парадигматический критерий многозначности Куриловича и Вейнрейха» [Урысон 1998: 238].

Содержательно схема возможных соотношений значений в рамках моносемии, разработанная Е.В. Урысон такова:

«если лексическое значение имеет вид $A = 'P' = '... B \text{ или } C ...'$ (в частном случае $A = 'P' = 'B \text{ или } C'$), то:

- i) фрагмент 'В или С', выделяемый в значении $A = 'P'$, должен быть не слишком велик относительно всего толкования;
в противном случае (в том числе, если значение имеет вид $A = 'B \text{ или } C'$)
- ii) различие между компонентами 'В' и 'С' не должно превышать некоторый порог, а именно: соотношение между блоками 'В' и 'С' должно удовлетворять одному из следующих трех условий:
  - а) 'В' и 'С' тождественны с точки зрения семантического состава и различаются местом семантического акцента, т.е. тем, что вершинным компонентом в блоке 'В' является компонент 'b', а в блоке 'С' – компонент 'с' (это влечет за собой и различие в актантных структурах семантического предиката, аргументами которого являются 'b' и 'с'). Пример: существительные типа *шелестенье*, *щебетанье*, *журчанье* и т. п., толкуемые по схеме 'ситуация, в которой имеет место определенный звук, или звук, имеющий место в определенной ситуации';
  - б) 'В' вкладывается в 'С' (либо 'С' вкладывается в 'В'). Пример: глагол *гаснуть* = 'переставать гореть или светить'; 'гореть' = 'излучать свет и тепло', 'светить' = 'излучать свет', тем самым, 'светить' целиком вкладывается в 'гореть';
  - в) 'В' и 'С' имеют каждый специфические семантические компоненты, отличающие данный блок от другого, но эти компоненты выражают

грамматические (для данного языка) значения. Пример: глаголы типа *познакомиться*; ср. 'все X-ы одновременно познакомились с Y-ом; или X одновременно познакомился со всеми Y-ами'» [Урысон 1998: 256-257].

По существу, Е.В. Урысон сформулировала гипотезу относительно того, как язык различает полисемию ($A_1 = 'B', A_2 = 'C'$) и моносемию вида $A = 'B$ или C' . Изучение этого явления еще раз демонстрирует динамичность, изменчивость языка, без учета которой невозможно описание не только истории языка, диакронии, но и его фиксированного состояния, синхронии. Однако автор отмечает малую разработанность основных используемых в ее исследовании лингвистических понятий и предлагает лишь содержательную схему критерия различения полисемии ($A_1 = 'B', A_2 = 'C'$) и моносемии вида $A = 'B$ или C' [Урысон 1998: 258-259], который считаем необходимым учитывать и использовать наряду с синтагматическим критерием полисемии Ю.Д. Апресяна при описании семантики существительных селькупского языка.

Но представляется, что не только моносемия, но и любая полисемия, зафиксированная в живых языках, может отвечать пунктам «а» – «в», предложенным Е.В. Урысон в условии «ii». Поэтому более важным представляется условие «ii» фрагмент 'B или C', выделяемый в значении $A = 'P'$, должен быть не слишком велик относительно всего толкования». Но интересно то, что в примерах, собранных нами в селькупском языке, фрагмент 'B или C', выделяемый в значении $A = 'P'$, оказывается весьма значимым и относительно всего толкования в целом. Это является доказательством того, что особенности соотношения значений в рамках моносемии еще мало изучены и их анализ представляется важным как для селькупской лексикографии, так и для теории семантики.

Глава II «Несостоявшаяся полисемия» посвящена описанию особенностей семантической структуры существительных, у которых по лексикографическим селькупским материалам наблюдается полисемия. Первоначальный этап работы по изучению таких существительных селькупского языка представляет собой формирование корпуса существительных путем сплошной выборки из двух современных основополагающих лексикографических источников по селькупскому языку, к которым относятся «Селькупско-русский словарь» к «Очеркам по селькупскому языку» (Москва, 1993) и «Селькупско-русский диалектный словарь» (Томск, 2005). В этот корпус вошли все существительные селькупского языка, представленные в лексикографических источниках как полисемантические (многозначные), т.е. те существительные, разные значения которых отделяются в пределах словарной статьи арабскими цифрами со скобкой (согласно общим правилам использования диалектологических знаков и помет словарей).

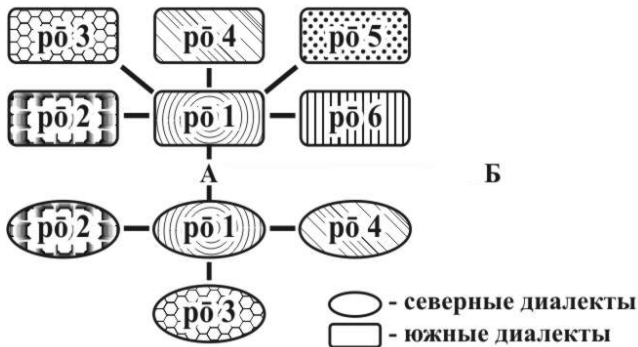
В результате проведенного нами исследования (полевой работы с носителями южных говоров селькупского языка, анализа текстов из архива А.П. Дульзона), нам удалось установить, что ряд существительных, которые отнесены к полисемантическим, на самом деле в южно-селькупских диалектах являются моносемичными, хотя и описывают с точки зрения носителя русского языка разные сущности. Именно эти существительные и их диалектные дублиеты в северных диалектах явились объектом исследования в настоящей диссертации, поскольку, как отмечает Е.В. Урысон, моносемия в языках мира изучена недостаточно, и ее структура представляет значительный интерес для исследователей.

Первый раздел второй главы диссертации посвящен изучению особенностей реализации семантической деривации на примере существительного об., кет., тым., вас. таз. *po, pō*; вас. *podā*.

В подробный семантический анализ существительного включены более 80-ти сложных единиц селькупского языка, в которых *pō* встречается как первый или финальный компонент, а также омоним, значение которого в русско-селькупских лексикографических источниках передается при помощи русск. эквивалента 'год'.

Анализ фактического материала по северным и южным диалектам селькупского языка, основывающийся на контекстологических, структурных, психолингвистических и статистических методах, позволяет выделить систему значений отдельно для южного и северного диалектных ареалов, отраженную следующей схемой:

Схема 1

А – типичная форма деревянистых растений, имеющих ствол из древесины с кроной; Б – единица летоисчисления; *pō-1* (типичная форма деревянистых растений, имеющих ствол из древесины с кроной); *pō-2* (отдельные куски дерева, предназначенные для сжигания для получения тепла и света); *pō-3* (кусок дерева (обычно длинный, прямой) чаще всего ветка без листьев);

p̄b-4 (массив деревянистых растений); p̄b-5 (плоский с двух сторон кусок дерева небольшой толщины); p̄b-6 (древесный материал для построек и изделий).

При выделении значений существительного об., кет., тым., вас. таз. *po*, *p̄b*; вас. *podā* учитывались результаты анализа корпусов текстов по северному и южному диалектным ареалам, которые демонстрируют следующее количественное и процентное соотношение: в южном диалектном ареале: p̄b-1 – 16/0,110%; p̄b-2 – 20/0,137%; p̄b-3 – 3/0,020%; p̄b-4 – 0/0%; p̄b-5 – 1/0,006%; p̄b-6 – 0/0%; в северном диалектном ареале: p̄b-1 – 43/0,295%; p̄b-2 – 9/0,061%; p̄b-3 – 4/0,027%; p̄b-4 – 1/0,006%.

Осмысление полученных данных (полевых и архивных материалов) и проверка их с помощью синтагматического критерия выявления моносемии приводит нас к выводу, что семантическая деривация существительного об., кет., тым., вас., таз. *po*, *p̄b*; вас. *podā* представляет собой схему моносемии. Свидетельством этого служат примеры селькупского языка: об. Ч *mat por padžal'ešpat*, которое может означать 'я рублю дрова' или 'я рублю дерево'. Приведем также в качестве примера отрывок из селькупской сказки «Три брата жили» (тазовский диалект; материалы «Очерков по селькупскому языку» (Москва, 1993)):

1. *Ukkyr contōqyt qālympyriāqynty nīl'cyk qoŋyty nennāt kos qaj atynty, qaj salty qaj p̄b atynty*. 'Наконец когда он шел так увидел: впереди что-то виднеется, то ли пень, то ли дерево виднеется'. 2. *Tūlä etyŋyty tīna qumōqīmtu*. 'Подойдя подождал этих своих людей (=спутников)'. 3. *Na tüntōqī tapyŋyk*. 'Они подошли к нему'. 4. *Nīk ketyŋyty*: «*Nennā qālympyŋylī, nennāt qaj p̄b qaj qaj atynty*». 'Он так сказал: «Вперед идите, впереди то ли дерево, то ли что виднеется»'. 4. *Nūny ej nennā qənnu*. 'Потом опять вперед пошел'. 5. *Cap tüa – ōnyl' təkupyl' salty matqymmynty*. 'Пришел, а (это) действительно сухой пень торчит'. 6. *Nūny qumōqīmtu ətyŋyty* 'Потом своих людей (=спутников) подождал'. 7. *Tūŋōqī qumōqīty*. 'Пришли его люди (=спутники)'. 8. *Nīk kətyŋyty wərgy copāqynty*: «*Tap pōly i llā mattēäty. Mat natkuntqorräm mētyntap, a tē nōty pōlī raccalōlnylī i tūlī cōtyŋylī*». 'Он так сказал старшему брату: «Это дерево сруби. Я тем временем место для ночлега сделаю (приготовлю), а вы затем дров наколите и костер разожгите»'.

Следует отметить, что селькупы не занимались специальной подготовкой деревьев для переработки их в дрова (вырубка, сушка и так далее). Для дров использовалось сухое дерево, сухой пень, который находили в лесу. В представленном выше отрывке происходит изменение места семантического акцента, схема значения существительного приобретает вид А = 'В или С', причем 'В' ('дерево') и 'С' ('дрова') в контексте повествования тождественны по своим семантическим компонентам (и означают «сухое дерево»).

Приведенный материал селькупского языка, таким образом, свидетельствует о том, что значение лексемы об., кет., тым., вас. таз., тур. *po*, *p̄b*; вас.

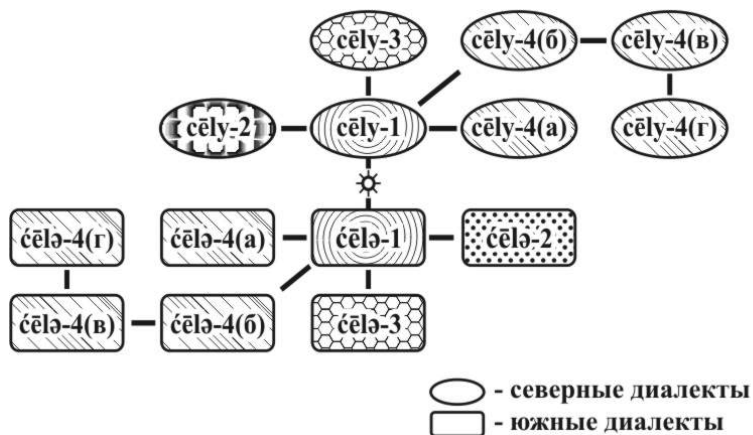
podā не является полностью жесткой структурой. На данном этапе развития селькупского языка оно обладает такими особенностями, которые свидетельствуют в пользу его лабильности. Семантическая структура существительного очень хорошо демонстрируют путь развития многозначности лексемы, или, другими словами, пользуясь терминологией Е.В. Урысон, «вызревания новых значений».

Возникает вопрос, является ли эта моносемия характерной именно для селькупского языка или она унаследована из прасамодийского языка? Как с точки зрения истории языка развивается и эволюционирует моносемия? Возникает ли она из полисемии? Окончательный ответ на эти вопросы можно будет дать лишь тогда, когда для всех самодийских языков будет проведено исследование аналогичное тому, какое предложено нами для селькупского: то есть в результате анкетирования носителей языка и обработки архивных данных будет проверено моносемия или полисемия представлена у когнатов селькупского слова. Но и в настоящее время анализ, проведенный нами по словарям самодийских, ряда уральских языков, показал, что у когнатов этого селькупского слова наблюдается близкое соотношение значений, а именно, в нганасанском, энецком, ненецком, хантыйском, мансийском, венгерском, финском, саамском, удмуртском, коми, марийском. Это свидетельствует в пользу того, что этимон селькупского слова на прасамодийском и даже прауральском уровне уже имел очень близкий набор значений. Нам представляется более вероятным, что и для праязыков у этого слова скорее следует предполагать моносемию, поскольку эволюция полисемии с одними и теми же значениями в моносемию представляется маловероятной. Интересно, что и в ряде других (не уральских) языков некоторых коренных народов Российской Федерации, принадлежащих к различным генетическим группам, также наблюдаются семантические параллели. Они были обнаружены в кетском, корякском, нивхском, алтайском, эвенкийском, негидальском, орочком, удэгейском, ульчском, орокском, нанайском, маньчжурском и чжурчженском языках. Дальнейшее осмысление структуры значения названия дерева в указанных языках – это дело будущего, которое позволит вывести на новый уровень и семантическую реконструкцию, поскольку можно будет не просто реконструировать праязыковое значение, но и описывать его структурную организацию (различать праязыковую моносемию vs. полисемию).

Третий раздел посвящен исследованию структуры значения существительного об. Ш, кет., вас., тым. *t'el, tēl*, кет. *t'elat, tēlat*, об. С, Ш, тым. *t'eld*, об. С *t'eldā, teldā*, об. Ш, кет. *t'elt, tēlt*, об. С, кет. *t'el'it*, об. Ч, вас. *č'el*, ел. *č'eli*, тур. *č'eli*, таз. *č'eli*. Анализ фактического материала по северным и южным диалектам селькупского языка, включающий исследование более 30-ти сложных лексических единиц селькупского языка (словосочетания и идиомы), компонентом которых является данное существительное, позволяет выделить четыре

значения (а также систему «подзначений», т.е. вариантов внутри значения) отдельно для южного и северного диалектных ареалов, отраженные следующей схемой семантического рисунка существительного:

Схема 2

Cēly-1, cēlā-1 (дневное небесное светило); cēly-2 (тот или иной источник освещения), cēlā-2 (свет, тепло, излучаемые дневным светилом); cēly-3, cēlā-3 (лучистая энергия дневного светила делающая окружающий мир видимым); cēly-4(a), cēlā-4(a) (промежуток времени от восхода до захода солнца); cēly-4(б), cēlā-4(б) (промежуток времени от восхода до следующего восхода солнца); cēly-4(в), cēlā-4(в) (промежуток времени в пределах суток, занятый или характеризующийся чем-нибудь); cēly-4(г), cēlā-4(г) (календарное число месяца, посвященное какому-нибудь событию, связанное с чем-нибудь).

Анализ корпусов текстов, который был проведен для системы значений по северному и южному диалектным ареалам, демонстрирует следующие результаты в количественном и процентном соотношении: в южном диалектном ареале: cēlā-1 – 12/0,082%; cēlā-2 – 0/0%; cēlā-3 – 0/0%; cēlā-4 – 19/0,130%; в северном диалектном ареале: cēly-1 – 10/0,068%; cēly-2 – 0/0%; cēly-3 – 1/0,006%; cēly-4 – 20/0,137%.

Осмысление полученных результатов исследования семантической деривации существительного об. Ш, кет., вас., тым. *t'el, tēl*, кет. *t'elat, tēlat*, об. С, Ш, тым. *t'eld*, об. С *t'eldə, teldə*, об. Ш, кет. *t'elt, tēlt*, об. С, кет. *t'elj̄t*, об. Ч, вас. *čel*, ел. *čeli*, тур. *čelij̄*, таз. *čelj̄* и анализ контекстов его употребления с помощью алгоритма различения полисемии vs. моносемии приводит нас к выводу о том, что в данном случае речь идет о моносемии, доказательством этого

служат следующие примеры как северного, так и южного диалектных ареалов: таз. *ijala aj sūrity celynty t̄tylä orymnentylyorynn̄tyt* ‘ребенок и его звери, в то время как солнце движется (= день ото дня), растут’; об. Ч *kužat čeld kojšatpa, k̄jbarla orbešpadet* ‘день ото дня (= пока солнце огибает (поворачивается)) дети растут’; таз. *čelij̄ q̄t̄j̄mpa* ‘солнце светит’ и ‘лампа светит’; вас. *čelij̄di čelij̄mba* ‘солнце светит’, об. Ч *čeld čelij̄mba* ‘солнце светит (солнце родилось, появилось на свет, только что поднимается)’ и ‘свет светит (свет родился, появился на свет, только что светает)’; об. Ч *čeld čeldj̄mbat, p̄čembat βes onendž t̄lax̄e aj m̄i āšarkak (k̄jbažok, ā kaček) βargedžembaut (pajambaut, arambaut)* ‘пришел день (солнце) (солнце (день) родилось (родился)) согрел всех своими лучами, и мы немного (чуть-чуть, немного) повзрослели (*βargedžembaut* ‘повзрослели о молодых’), (*pajambaut* ‘постарели о женщинах’, *arambaut* ‘постарели о мужчинах’)’. Особого внимания заслуживает последний пример, который демонстрирует отсутствие исключительной дизъюнкции – признака полисемии. Подлежащее об. Ч *čeld* сочетается одновременно с двумя сказуемыми об. Ч *čeldj̄mbat* и *p̄čembat*, следствие – *βargedžembaut (pajambaut, arambaut)* «повзрослели, постарели» соотносится со значением «день». Таким образом, наряду с употреблениями типа А = ‘либо С, либо В’ есть употребления по типу А = ‘С и В вместе’ или А = ‘В или С’.

Похожий набор значений, который мы видим у селькупского существительного, отмечается в ряде других языков: в маторском, венгерском, финском, саамском, мордовских (эрзянском и мокшанском), энецком, хантыйском, мансийском, марийском, нганасанском, ненецком. Соответственно, представляется более вероятным, что речь идет о моносемии этимонов рассматриваемого слова как на прасамодийском, так и на прауральском уровне, но эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке.

Третий раздел посвящен изучению особенностей семантической структуры существительных, обозначающих некий «предел». Чтобы представить себе совокупность семантических связей существительного об. С, Ш, кет. *tibə*, об. Ч *čib, čibət*, тур. *çip̄i*, таз. *čip̄i*, вас., тым. *čibə*, его следует определить как ‘то, что находится на грани (границе) чего-либо или само собой представляет (нижний (конечный)) предел в пространстве или времени’. В данном случае описательная передача семантики слова, какие бы стилистические шероховатости она ни вызывала, может вернее всего отразить значение существительного, поскольку передача значения русскими «эквивалентами» (‘горизонт’, ‘конец’, ‘край’, ‘корма (лодки)’, ‘дно’, ‘конечность’) из-за разной предметной отнесенности создает иллюзию многозначности слова.

Существительным схожей семантики является об., вас. *par, pār*, кет. *pari, parə*, об. Ч, тым., тур. *pari, parə*, тур. *poari*, таз. *p̄ri*. В данном случае речь идет тоже о моносемии. В отличие от существительного об. С, Ш, кет. *tibə*, об. Ч

čib, *čibət*, тур. *çip̄i*, таз. *čip̄i*, вас., тым. *čibə*, в семантике которого преобладает идея нижнего предела, нижней границы чего-либо, существительное об., вас. *par*, *pār*, кет. *pari*, *parə*, об. Ч, тым., тур. *par̄i*, *parə*, таз. *p̄r̄i*, тур. *poar̄i* чаще передает значение предела противоположного нижнему, конечному, заднему, т.е. об., вас. *par*, *pār*, кет. *pari*, *parə*, об. Ч, тым., тур. *par̄i*, *parə*, таз. *p̄r̄i*, тур. *poar̄i* – это предел начальный, верхний, передний. Поэтому существительное об., вас. *par*, *pār*, кет. *pari*, *parə*, об. Ч, тым., тур. *par̄i*, *parə*, таз. *p̄r̄i*, тур. *poar̄i* может применяться в предложениях и словосочетаниях, которые на русский язык переводятся посредством существительных: ‘поверхность’, ‘вершина’, ‘конец’, ‘кончик’, ‘головка’, ‘верх’, ‘макушка’, ‘крыша’, ‘верховье’ – в зависимости от контекстуальной и ситуативной конкретизации.

По нашему мнению, семантическую деривацию этих существительных трудно рассмотреть как иерархичную структуру полисемантического слова. Анализ полевых и архивных материалов показал, что каждое отдельное употребление слова представляет собой модификацию одного общего смысла, которой передается идея «ограниченности, предельности». Признак «ограниченности, предельности» соотносится с разнородными группами предметов и явлений (предметы быта, растительный мир, человек, его части тела, географические объекты), не имеющих никаких других общих признаков. В подтверждение сказанному приведем следующие примеры: об. Ч *č̄bečel* (*kadart*) *čib* – *na mannembegel č̄bečel čib* ‘горизонт – это видимый конец земли’ (горизонт = земли конец, причем определяющее слово *č̄bečel* (*kadart*) не является строго фиксированным в словосочетании); об. Ч *arat čibehet tab nātkelbat andet čib* ‘в конце осени он покрасил корму лодки (= в конце осени он покрасил задний конец лодки)’; об. Ч *okk̄j̄r par k̄iget paroget mat kondžernam kanduk üdet paroget kajda čögelemba* ‘один раз (для передачи более точно семантического содержания *okk̄j̄r par* ‘один раз’ можно перевести как «однократно») на верховье реки (досл. «на верху реки») я видел, как на поверхности воды (досл. «на водяном верху или воды верху») что-то блестит’. Интерес также представляет собой пример, который был предложен для перевода носителям селькупского языка. Он являет собой следующее предложение на русск. языке: у человека на верху головы макушка, а у дерева на верху – верхушка, а у стола – крышка, а у дома – крыша, а у гвоздя – головка, а у реки – верховье. Перевод на селькупский язык является следующим: об. Ч *kut olot paroget paldepar, pot* (*ponan*) *paroget – pot par, ostolt paroget – ostolt par, madat paroget – madat par, k̄šeldžinan – k̄šeldžit par, k̄ig’egit – k̄iget par* ‘у человека на головы верху макушка (*paldepar* ‘макушка’ можно досл. перевести как «вокруг, кругом верх»), у дерева на верху – дерева верх, у стола на верху – стола верх, у дома на верху – дома верх, у гвоздя – гвоздя верх, у реки – реки верх’. Внимания заслуживает отсутствие перевода противительного союза русск. а в селькупском варианте. Можно сказать, что последний пример наглядно

демонстрирует тождество семантического состава двух смысловых частей с точки зрения селькупского языка, тогда как с точки зрения русского языка они являются различными.

Можно отметить параллелизм в семантических структурах существительных: 1) об., вас. *par*, *pār*, кет. *pari*, *parə*, об. Ч, тым., тур. *pari*, *parə*, тур. *poari*, таз. *pārj* и 2) об. С, Ш, кет. *tibə*, об. Ч *čib*, *čibət*, тур. *čipj*, таз. *čipj*, вас., тым. *čibə* – предел соответственно верхний / нижний, начальный / конечный, передний / задний. Хотя и нельзя говорить о полной симметричности.

Сопоставление существительных, обозначающих тот или иной предел в пространстве (во времени, в протяжении и т.п.) в ряде других уральских языков, а также языков коренных народов Российской Федерации, принадлежащих к различным генетическим языковым группам, демонстрирует, что передача значения слова только переводными русскими эквивалентами не является полностью оправданной и адекватной. Семантическая структура таких существительных зачастую не укладывается в схему полисемии (хотя в лексикографических источниках нередко представлена именно таким образом). Реальное устройство должно быть разработано в дальнейших исследованиях на материале анализа тестов и опроса носителей языка.

Четвертый раздел второй главы посвящен исследованию семантической структуры существительного таз. *laka*, об., кет., тым., вас. *laga*, *laya*, для которого характерна соотнесенность с понятием весьма широкого объема.

В селькупском языке это существительное, насколько позволяет судить материал источников исследования, как правило, выступает в роли определяемого и сопровождается определением, которое представляет собой существительное или реже прилагательное, еще реже наречие. Эти сложные комплексы можно рассматривать и как словосочетания, и как сложные единицы с различной степенью идиоматичности. Широта объема понятия, выражаемого существительным, связана с определенной лексической «опустошенностью», «бессодержательностью» языкового знака, что создает условия для его употребления в качестве суффиксоида со значением, тождественным лексическому значению слова, к которому оно относится в каждом конкретном употреблении.

Значение существительного таз. *laka*, об., кет., тым., вас. *laga*, *laya* предлагаем толковать следующим образом: представитель класса, предмет-явление, наделенный характерными признаками своего класса / группы, нечто образующее само по себе что-то отдельное (путем принятия части от чего-то исходного или соединения отдельных однородных частей). В сложных единицах с высокой степенью идиоматичности суффиксоид таким образом выражает значение единичности, с одной стороны, и собирательности – с другой. Эта особенность теперь может быть объяснена спецификой значения существительного.

Интерес представляет также экспериментальное предложение, которое

предлагалось на перевод носителям селькупского языка и вызвало затруднения в переводе второй его части. На русск. языке оно являет собой следующее: *в комнате столько всего валялось: клубки, мотки, куски ниток*. Затруднения были вызваны тем, что по-селькупски ‘клубки ниток’ – *šegel laga*, ‘мотки ниток’ – *šegel laga*, ‘куски ниток’ – *šegel laga*. Как вариант перевода на селькупский язык информантами предлагался, например, такой: *tol matket kušaldi šes ipiħa: šegel laga, šegel lagalikala* ‘в комнате столько всего лежало: ниток куски, ниток кусочки’.

Итак, проанализированные данные свидетельствуют о моносемичности существительного таз. *laka*, об., кет., тым., вас. *laga, laya*. Переносные значения появляются на уровне функционирования сложных единиц, в состав которых входит таз. *laka*: таз. *iityllaka* 1) ‘капля’, 2) ‘водяная мозоль’ и таз. *pōl laka* 1) ‘палка’, 2) ‘деталь упряжи: приспособление в упряжи для крепления ремня к нарте’ (которая представляет собой кусок дерева – палку).

Глава III «Особенности семантической деривации некоторых соматических терминов в диалектах селькупского языка: полисемия vs. моносемия» посвящена сопоставительному исследованию метафорических переносов у соматических терминов в ряде языков мира. В первую очередь отмечены работы Т.В. Цивьян «К семантике дома в балканских загадках» (Тарту, 1974), Л.Г. Невской «Дом в литовской загадке» (Москва, 1979), в которых описывается метафорический перенос с названий частей тела на обозначение деталей жилища; статья А.В. Дыбо «Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках» (Москва, 2006), в которой собраны и проанализированы с позиции сравнительно-исторического языкознания все возможные метафорические переносы, зафиксированные в тюркских языках в системе соматических терминов. Интересно, что в тюркских языках при обилии метафорических переносов на детали ландшафта фактически (за исключением языков Поволжья) отсутствуют мотивы антропоморфного представления о жилище. А.В. Дыбо показывает, что, рассматривая метафорические переносы с названий частей тела на детали ландшафта на материале алтайских языков, оказывается целесообразным различать принципиальную возможность использования антропоморфных мотивов при описании водного и горного ландшафтов. Учет тех или иных метафорических переносов весьма важен при описании языка, в частности, эти метафоры наследуются из праязыка и могут меняться (появляться или, наоборот, исчезать) под влиянием контактных языков. Конечно, здесь важен учет и реального ландшафтного окружения носителей тех или иных современных языков. В заключении статьи А.В. Дыбо анализируются метафорические переносы не только в тюркских, но и в других алтайских языках. В результате сравнения полученных результатов А.В. Дыбо приходит к выводу, что «космос для праалтайцев, насколько можно судить по реконструируемой лексике, так же, как и для пратюрков,

скорее зооморфен, т.е. происходит метафорический перенос на детали водного и горного ландшафта с названий частей тела животных. В специальном объяснении, таким образом, нуждается антропоморфность горного пейзажа у монголов (контактное явление?) и антропоморфность горного ландшафта для тюрков».

Как показывает наше исследование, в селькупском языке ситуация принципиально иная. Насколько можно судить по проверке текстовых примеров с помощью синтагматического критерия моносемии, разработанного Ю.Д. Апресяном, речь идет не о семантическом переносе с названия части тела животного на часть тела человека или наоборот, а о моносемии в названиях семантических терминов, которые в рамках одного и того же контекста описывают и части тела животных, и человека. Во-вторых, в селькупском языке в отличие от большинства тюркских языков распространен перенос с названий частей тела на детали жилища. В-третьих, в отличие от тюркских и монгольских языков, в селькупском фактически отсутствуют антропоморфные мотивы в названиях гор и возвышенностей. Представляется, что последние две особенности связаны 1) с относительно оседлой жизнью селькупов, у которых в отличие от кочевников тюрков жилище было постоянным и неизменным атрибутом их повседневной жизни, 2) с реальным ландшафтом, окружающим носителей языка: селькупов практически не окружают возвышенности, в отличие от тюрков, долгое время живших в предгорьях Саяно-Алтая. Наоборот, в жизни селькупов ключевую роль играют водные пространства.

С точки зрения семантической деривации группа соматических терминов в селькупском языке особенно интересна. Оказывается, что во всех рассматриваемых в этой главе существительных («голова», «рот», «нога, ноги», «глаз, глаза» и «язык») представлена полисемия, но у ряда из них, как уже было сказано выше, некоторые значения, которые мы, как носители русского языка, описываем разными лексемами, отвечают критериям определения моносемии.

Анализ соматических терминов позволил разработать следующие стратегии презентации ряда существительных в материалах лексикографического плана:

1) Об., кет., вас., тым., тур. *ol, ȳl, olȳ*, таз. *oli*, кет. *olli* ‘самый верх, верхняя часть тела человека, природного объекта’. Два переносных значения появляются на уровне функционирования производных лексических единиц: 1) главный, занимающий главное (верховное) положение: тур. *olqur* ‘глава рода’; об. Ш *olimi* ‘председатель’; таз. *oly(t) ija* ‘вожатый’; таз. *olyqur (olqur, olyt qur)* ‘начальник’; 2) умный (имеющий голову): таз. *olysymyl* ‘умный’.

2) Об. Ш, Ч, кет., тым. *āk, aŋ*, таз. *ȳk, ȳŋ, ȳ – 1* ‘рот – без определяющего слова встречается в отношении трех природных объектов – человека, птицы

и реки (таз. *Rōttan* *ōk* ‘устье реки Ратты’; на русский язык может переводиться как «проем», «вход», когда речь идет о входе в жилище: об. Ш *madan* *āk* ‘дверной проем’; таз. *mōtan* *ōk* ‘вход в чум’; 2) встречается в составных наименованиях, где первый компонентом является заимствованием из русск. языка: таз. *pecyt* *ōk* ‘печное отверстие’ и таз. *okoškan* *ōk* ‘проем окна’. Можно предположить, что как более поздние образования они появились в селькупском языке путем переноса наименования по типу метонимии: рот → отверстие.

3) Об., тым., вас. *top*, об. С, тым. *toppə*, таз., кет. *topj* 1) конечность (конечности) объекта живой природы (человека, медведя, птицы); 2) ножка у мебели (?< русск.)

4) Об. Ч, вас. *χaj* об., кет. *sai*, *saj*, ел., тур. *saj*, тым. *sāj*, об. С *sěj*, об. С, Ч, тым. *sej*, таз. *sajj* 1) глаз; 2) нечто напоминающее глаз (по форме или др. признакам).

5) Кет. *sä*, об. С *s'e*, ел. *sěj*, *s'ejtj*, об. С, кет. *se*, *sē*, об. Ш, Ч, таз., вас., тым. *šē* 1) подвижный орган продолговатой формы в полости рта; 2) подвижная часть а) руки: таз. *utyn* *šē*; об. Ч *odet* *še* ‘ладонь’ (досл. руки язык); б) запора (для ловли рыбы): только таз. *kj'ncyt* *šē* ‘створки запора’ (досл. запора язык); 3) только в южном ареале селькупского языка орудие общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе’; 4) только в говоре об. С *t'ubbə set* ‘длинный язык’ (о болтуне, о том, кто болтает лишнее); 5) только в говорах об. С *s'el sāžet!*; вас. *šel χāčet!* ‘язык-твой прикуси’ (не говори, сразу замолчи). Три последних значения предположительно являются результатом заимствования соответствующих понятий из русского языка.

В **Заключении** показано, что в результате исследования в селькупском языке были выявлены примеры моносемии, в которых фрагмент ‘В или С’, выделяемый в значении А = ‘Р’, оказывается довольно таки велик относительно всего толкования: в рассмотренных словах выделяемые компоненты значения ‘дерево, дрова, лес ...’ или ‘день, солнце, свет’ и другие хотя и отвечают синтагматическому критерию определения моносемии, предложенному Ю.Д. Апресяном, то есть, зафиксирован ряд некаламбурных контекстов, в которых одновременно реализуются оба семантических компонента значения, но различие между ними представляется весьма значительным.

Возникает вопрос: чем обусловлено наличие «несостоявшейся полисемии» со значительным различием между значениями в рассмотренных словах? Возможно, это ее причиной являются генетические факторы, в частности, нельзя исключить, что моносемия для большинства этих слов должна восстанавливаться и для праязыка. Нельзя исключить, что это связано не с генетической принадлежностью селькупского языка, а с образом жизни его носителей. Может быть, для традиционных культур более свойственно воспринимать ‘день’ и ‘солнце’, ‘ноги людей’ и ‘лапы животных’ как единое понятие. Возможно, моносемия в этих словах возникает под влиянием языковых кон-

тактов. Как было показано выше, анализ семантической структуры этих понятий в других уральских и неуральских языках коренных народов Севера позволяет выдвинуть все указанные гипотезы. Но доказать или опровергнуть их можно будет, лишь проведя тщательный текстологический анализ и опрос носителей соответствующих языков на предмет выявления контекстов, в которых реализуются оба компонента значения, которые традиционно русскими исследователями – составителями словарей описывались как разные, состоящие в отношении полисемии.

Представляется, что полученный нами результат важен, во-первых, для лексикографического описания селькупского языка и в целом для теории лексикографии. Мы постарались показать, что для выявления семантической структуры лексем необходим подробный анализ употреблений в текстах (устных и письменных), без которого невозможен правильный перевод с какого-либо языка на селькупский.

Во-вторых, адекватное описание семантики селькупских слов интересно для исследования наивной картины мира и описания особенностей мышления носителей селькупского языка. Нам кажется, что дальнейший анализ устройства соотношения компонентов значения рассматриваемых понятий в других языках Сибири позволит выявить, насколько моносемия такой природы (фактически зарождающаяся полисемия) имеет ареальную природу или наследуется из праязыка.

В связи с этим, в-третьих, оказывается, что для более детальной семантической реконструкции необходимо выявление синхронной моносемии в современных языках. Представляется, что тщательный анализ подобных явлений в самодийских и шире в уральских языках позволит значительно уточнить реконструкцию значений в праязыках: выявить, какие из них являются моно-, а какие полисемантическими.

Список сокращений

- вас. – васюганский диалект
- ел. – елогуйский говор
- кет. – кетский диалект
- об. – обский ареал (об. С, Ш, Ч)
- об. С – обские говоры Сюсюкум
- об. Ч – обские говоры Чумьлькуп
- об. Ш – обский говор Шёшкун и Шёшкуп
- таз. – тазовский диалект
- тур. – туруханский говор
- тым. – тымский диалект
- русск. – русский (язык)

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Дубровская Н.В. Метафора отождествления как условно-метафорическая единица селькупского языка // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 326. – С. 12–15.
2. Дубровская Н.В. Семантическая структура существительного в связи с типологией производных значений: слова широкого и общего значений в селькупском языке // Вестн. Том. пед. ун-та. – 2010. – Вып. 7(97). – С. 84–87.

Публикации в других научных изданиях

3. Дубровская Н.В. Метонимия в селькупском языке // Вестн. Том. пед. ун-та. – 2009. – Вып. 4 (82). – С. 130–133.
4. Дубровская Н.В. Относительная абстрактность широкозначных слов селькупского языка с семантической доминантой «место» // Пространство и время в языках разной типологии: мат-лы междунар. конф. «XXV Дульзоновские чтения»: сб. науч. тр. – Томск: Ветер, 2008. – С. 18–23.
5. Дубровская Н.В. Особенности семантики конкретной и абстрактной лексики (на примере селькупского языка) / Н.В. Дубровская // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: мат-лы междунар. науч. конф. «XXV Дульзоновские чтения». – Томск: Ветер, 2008. – С. 38–43.

Подписано в печать: 24.10.2011 г.   Бумага: офсетная
Тираж: 100 экз.   Печать: трафаретная
Формат: 60×84/16   Усл. печ. л.: 1,39
Заказ: 607/Н

Издательство
Томского государственного педагогического университета

г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (382-2) 52–12–93
e-mail: tipograf@tspu.edu.ru

